

Дом с голубыми ставнями

Рязанский край в нашей жизни.

Когда Алеша Яблоков, подростком, с отцом и старшим братом впервые прошел по реке Пра, я еще ходила в детский сад. А когда я впервые на междугороднем автобусе пересекла речку Пра, мне было уже сорок. А когда судьба забросила нас в этот лесной край летом 1991-ого, мы и не подозревали, что он станет нашей малой родиной.

Давным-давно, когда моя страна еще называлась по другому, я, горожанка по происхождению и проживанию, неожиданно сама для себя полюбила русскую деревню. Советская интеллигенция тогда повально увлекалась «деревенской прозой», которая сделала мощный прорыв в подцензурной литературе. В. Распутин, В. Белов, В. Солоухин, Б. Можяев не только находили возможность честно говорить о проблемах русско-советской деревни, но и делали это талантливо.

Автором текста к первому «сельскому» фильму о деревне, который я редактировала, был Борис Андреевич Можяев. Автор знаменитых романов «Мужики и бабы», «Живой» и др. А «Живой» еще и в театре на Таганке ставился в главной роли с Валерием Золотухиным. Часто вспоминаю актуальную и сегодня фразу Можяева из этого текста «Безответственность, словно круговая порука, всех повязала». Намучилась я с этим фильмом, никак не хотели его принимать и «выдавать» в эфир из-за лейтмотива «крестьянин – главный хозяин на земле». Не положено было быть хозяином простому человеку, когда были предназначены для этой роли специальные начальники – чиновники и партийные руководители. Как мне удалось получить положительное заключение от отдела с/х ЦК КПСС – отдельная история, работали там и приличные люди. Моему собственному начальству Студии документальных фильмов творческого объединения «Экран» Гостелерадио СССР пришлось «взять под козырек». Фильм вышел без купюр, а мы с Можяевым подружились. Он подарил мне все свои книги, одну из которых надписал так «Внучке адмирала Российского царского флота от капитана в запасе Можяева». Оказалось, что Борис Андреевич служил на Дальнем востоке во флоте, и, как человек образованный и увлекающийся историей, знал о моих деде и прадеде. Как это связано с Рязанским краем – чуть позже.

Спустя несколько лет я уже работала в программе «Сельский час», как говорят, любимой передаче Аллы Пугачевой. Работать рядом с такими «маститыми» писателями как Ю. Черниченко, А. Стреляный, А. Иващенко было очень интересно и ответственно. Моя «некомпетентность» в сельскохозяйственных вопросах сыграла со мной «добрую шутку». Я и не пыталась обрести такую «компетентность», а сосредоточилась на телеочерках о жизни людей на селе, у нас это называется «жанром». Именно это было мне интересно. Быт, любовь, свадьбы, истории... В общем, меня интересовала то же, о чем писали наши «деревенщики».

Борис Андреевич Можяев был деревенским мужиком, родился в с. Пителино Елатомского уезда Рязанской области и мечтал купить домик в деревне. В Пителине от его родового гнезда ничего не осталось, и он приглядел недалеко от Тумы на берегу Гавринского озера заброшенную школу дореволюционной постройки и все хлопотал-хлопотал, да никак не мог выхлопотать у начальства разрешение на покупку этого полуразрушенного здания. В одной из подаренных мне Можяевым книг был очерк «Лесная дорога», в котором он рассказывал о своем путешествии из Москвы в Туму и в окрестные деревни. И когда мой главный редактор Федор Романович Бруев (мы его ласково называли между собой просто «Федя») наградил меня за какую-то удачную передачу творческой командировкой, я решила повторить маршрут этого очерка и встретиться с его героями. Обычно у нас не было возможности заранее «выехать» на объект съемок, мы должны были каким-то

образом всё знать и организовать заранее, прежде чем с режиссером, оператором и осветителями на самолете, поезде или автобусе «выезжать на объект». Понятно, что такая работа была жестко лимитирована и временем и маршрутом и... Сейчас уже невозможно представить, что такое «лимит пленки» вообще, а «один к двум» - тем более. За всё время своей работы на телевидении я только однажды имела такую роскошную возможность, такую свободу. И именно эта командировка навсегда связала мою судьбу с Рязанским краем.

«Везение» началось с «невезения». Когда я добралась до деревни Немятово, что недалеко от Тумы в сопровождении парторга совхоза «Алексеевский», оказалось, что местный школьный учитель Федин, один из персонажей Можаяевского очерка, с которым мне очень хотелось встретиться, ушел на весь день в лес за грибами. Парторг предложил мне зайти к другой Немятовской «достопримечательности» - московскому писателю. Я была очень расстроена, зачем мне в Рязанской глубинке московский писатель, у меня нет проблем с писателями в Москве. Но делать было нечего, и мы зашли в маленький аккуратный деревенский домик, в котором за маленьким письменным столом сидел Большой русский писатель Анатолий Андреевич Ким. Тот самый Ким, роман которого «Белка» тогда зачитывали до дыр, а в метро половина пассажиров держала его в руках. Ким, узнав, что я с телевидения, сразу заговорил о наболевшем и позвал меня поехать по полям, чтобы своими глазами убедиться в безобразиях мелиорации и вообще ведения сельского хозяйства. Я мягко перевела разговор на «человеческий фактор», на Можаяевских персонажей - учителя Федина и самородка умельца на все руки Пушкина. И мы отправились все вместе к Ивану Ивановичу Пушкину, с которым, как выяснилось, Ким дружил. Кима, корейца по национальности, можно без натяжки причислить к «лику» наших лучших русских писателей-деревенщиков. И попал он в Немятово благодаря своему другу писателю Личутину, тоже «деревенщику».

В общем, договорились, что на следующий день все вместе поедем по лесам и полям на машине Кима смотреть и на чудеса мелиорации и на другие рязанские чудеса. Все вместе это – Ким, я, Федин, Пушкин и Зоя (жена Кима). Понятно, что для парторга места уже не было.

Вот в этой замечательной компании я плавно ментально, но на самом деле по ухабам лесной дороги из Клепиковского района перебралась в Касимовский, который стал таким важным в моей судьбе. Ким не только рулил машиной. Он «рулил» всем мероприятием – сначала привез нас к своему другу - егерю Ивану Ивановичу Кондрашову в д. Петрушово, затем в село Погост, где мы фотографировались на заросшей березками крыше храма, изумительной красоты и ужасающей разрухи. Затем в поселок городского типа Гусь-Железный, где мы могли, задрвав головы, только пялиться на высоченный двухэтажный храм, как потом оказалось самый большой сельский храм в России. А на нас «пялились» греющиеся на белокаменных ступенях овцы и гуляющие на прихрамовой площади козы и коровы. А потом Иван Иванович познакомил нас с местным садоводом-любителем, похожим на сказочного белокурого Иванушку, который с одного дерева угощал нас яблоками разных сортов.

Стоит ли говорить, что и эти храмы и эти люди появились вскоре в моих передачах. Но не только они. На рязанском материале я сделала несколько передач, касающихся проблем всей страны. Приведу только один пример. В то время кому-то из чиновников пришло в голову решать жилищную проблему сельских жителей...строительством двух-трехэтажных многоквартирных панельных домов. Это было очень удобно для отчетов, вот мол, построили столько-то кв. м. жилья. Но, конечно, очень неудобно для крестьян – до собственного (относительно) огорода надо было еще дойти, скотину держать негде, картошку, соленья-коренья зимой хранить негде. Я решила сделать передачу о том, что «жилье – это еще не дом». И назвала ее «Дом с голубыми ставнями» - строчкой из Есенина. Начала съемки с дома-музея Есенина в Константинове, затем в Рязани побывала в Доме Павлова, затем поехала в Сасовский район в дом-музей Новикова - Прибоя. С

Есениным и Павловым объяснять читателю ничего не надо, а вот с Новиковым- Прибоем надо бы пояснить.

Писатель Новиков – Прибой известен, прежде всего, своим романом «Цусима» о русско-японской войне 1905 года. Некоторые историки считают, что поражение в этой войне предопределило дальнейшие события в русской истории и является предтечей революции. Новиков добавил к своей фамилии «Прибой» из уважения к адмиралу, военному писателю, который не побоялся, хоть и под псевдонимом «Прибой», писать правду о грядущем несчастье, о невозможности победить японцев прежде всего из-за разницы в военной технике. В «Цусиме» адмирал выведен под своей настоящей фамилией. Это был Николай Лаврентьевич Кладо - мой дедушка, который был в свое время наставником цесаревича Николая – будущего царя Николая I.

Статьи деда раскололи общество. «Патриоты» упрекали его в том, что он смел думать о поражении России, другие – среди них Л. Толстой и А. Чехов – восхищались его храбростью и называли настоящим патриотом. Деду здорово досталось за это неповиновение морскому начальству, его разжаловали, сослали, жгли костры из его книг. Потом реабилитировали, избрали уже в 1917 г. начальником Николаевской академии. В 1919 году Николай Лаврентьевич скончался, как считают некоторые историки «умер не своей смертью», хотя и был пышно похоронен. Мне, к стыду, удалось сделать только небольшой фильм о нем и опубликовать очерк «Гражданин моря» в толстом журнале «Вестник Европы». Недавно один русский англичанин разыскал меня, и сказал, что сейчас работает над сценарием художественного фильма о моем дедушке.

Понятно, что я не удержалась, воспользовалась своим «служебным положением» и авторским правом, и сняла для передачи «Дом с голубыми ставнями» дом Новикова-Прибоя в Сасовском районе Рязанской области. Вот почему Борис Андреевич Можаяев написал мне на своей книге «Внучке адмирала...». Он знал также и о том, что мой прадед, тоже морской офицер, был начальником Владивостока, который тогда еще не был городом, а был только морской крепостью, и там же похоронен. Прошло много лет, не стало Бориса Андреевича. Однажды я в начале нулевых обнаружила в интернете очерк Андрея Можаяева, сына Бориса Андреевича, о Николае Лаврентьевиче Кладо. Это был первый очерк из его цикла «Верноподданные России». Я позвонила ему, он приехал ко мне в гости. Оказалось, что идея об истинных верноподданных России возникла у него после знакомства с историей моего деда. Андрей сказал, что приобрел в память о своем отце дом в деревне Пителино. Я же рассказывала ему о встречах с Борисом Андреевичем (и даже потом что-то написала), что показала в своей передаче так и нереализованную его мечту – дом на берегу Гавринского озера, а теперь вот имею в тех краях свой дом с голубыми ставнями. А на берегу Гавринского озера построил дом А. Ким. Вот такие «загогулины» судьбы.

А история «нашего» дома такова.

«Неожиданно», как зимний снег, обрушилось на наши головы турбулентное, трудное время – нерушимый союз трещал по швам, Москва опасалась остаться на зиму без продуктов, соседние регионы саботировали обеспечение столицы. Стало понятно, что нужно где-то запастись на зиму хотя бы картошкой-морковкой. Я позвонила Ивану Ивановичу Кондрашову в Петрушово и попросила подыскать нам дом с усадьбой. Он сам оформил на меня дом, с дочерьми посадил картошку, а бывшая хозяйка тетя Тоня – все, что положено, на огороде. Осенью нам помогли собрать урожай, за которым мы приехали со всей молодой мужской частью родственников. Через несколько месяцев я узнала, что в Петрушове начали разбирать на бревна школу, чтобы увезти ее в Гусь-Железный. Мне казалось это неправильным, и мы выкупили школу у сельсовета. Осталось «утвердить» эту сделку у Яблокова. Алексей Владимирович был ужасно занятой человек. Он был одним из тех, кто взял на себя ответственность за новую демократическую Россию, и ради этой задачи-мечты ушел во власть из науки, в которой был уже всемирно признанным ученым. Когда мы приехали в Петрушово, он обернулся вокруг себя как

Иван-царевич и сказал: «На 360 градусов лес. Это - Россия. Остаемся». Я тогда не поняла, что он сразу и твердо решил именно остаться. И уж совсем не предполагала, что он совсем перестанет ездить на свою подмосковную еще родительскую дачу, расположенную в «подмосковной Швейцарии». А когда поняла, заказала голубые резные ставни на все 14 окон «школы». Наш друг известный профессор Н. Тихомиров сказал тогда: «Вы купили дом на пороге рая».

А местные власти очень удивились, что советник президента РФ купил себе дом в богом забытой деревеньке, куда даже автобус не ходит. Ни речки, ни озера, при таких-то красотах земли Касимовской...и предложили на выбор любое место в районе. Но Яблоков сказал: «А мы Петрушово сделаем красивым». И засучил рукава.

Тут как раз подоспела моя инвалидность, я вынужденно забросила свою работу и увлеклась социальными проектами в Петрушове. До сих пор не понимаю, как я спроектировала часовню, сделала буквально выкройку для купола, организовывала субботники, выпускала информационную фотогазету и т.д. и т.п. И зарабатывала стройматериалы, публикуя свои очерки о Касимовских достопримечательностях в центральной прессе. Часовню святителя Николая открыли в 2003-ем году.

Однажды я увидела в газетном киоске книжку Федина, того самого учителя из Немцова, с которого у меня с легкой руки Б. Можяева началось знакомство с рязанскими жителями. Федин увлекался краеведением и нашел следы пребывания Александра Сергеевича Пушкина в границах нынешнего Касимовского района. Я смогла, как мне кажется, достаточно убедительно продолжить эти изыскания. Алексею Владимировичу очень нравилось не только принимать участие во всех земляных, каменных и столярных работах на строительстве часовни, но и собирать все, что можно, о наших Касимовских местах. Мы даже наняли одного историка, чтобы он поработал в Рязанских архивах. Так что у нас есть теперь уникальная рукописная тетрадка. И, конечно, мы подружились с сотрудниками Касимовского и Елатомского музеев. Мы укоренились в крае, а край укоренился в нас. Вскоре Яблоков в своих интервью стал называть Петрушово своей малой родиной. Ему здесь хорошо работалось. Он любил повторять: «Я здесь целыми днями отдыхаю: то от компьютера с лопатой, то от лопаты с компьютером». Но отдыхал он не только «с лопатой». Ему очень нравилось принимать самое активное участие в наших общественных проектах.

Когда мы открывали наш частный клуб общего пользования, Алексей Владимирович сделал необычную презентацию, в которой показывал свои касимовские фотографии природы, домов, храмов. Презентация называлась «Петрушово и окрестности». Т.е., например, славный город Касимов был представлен как окрестности Петрушова. Он принимал участие в составлении репертуара наших праздников «Макушка лета», угощал приготовленным им глинтвейном всех участников. Девиз праздника «Кто во что горазд» - абсолютно самодеятельный концерт, конкурсы всяких поделок, «вкусный стол». Много гостей отовсюду, среди которых, конечно, «виновник» нашего Петрушовского жития, а также автор замечательных книг и фильмов об этих местах и людях, всемирно известный писатель А. Ким.

Когда зацвела аллея катальп, выращенная нами из семян, Яблоков придумал «Праздник цветения катальпы». За 20 с небольшим лет Яблоков превратил бывший школьный двор в роскошный экзотический парк.

Мы полюбили свою малую родину всем сердцем, и всегда старались сделать для нее что-то полезное. Например, привозили для библиотек в девяностые годы много книг из Москвы. Когда бандиты, выполняя заказ крупного антиэкологического бизнеса, таранили нашу машину, пытаясь столкнуть ее в овраг, машина была так нагружена книгами, что новенькая иномарочка бандитов просто отлетела в сторону. Книги спасли нам жизнь. А мы, похоже, помогли местным активистам спасти Касимовскую землю от вредного производства. А позже помогли спасти Сасовских жителей от агрессивного бизнеса.

Однажды мы с Алексеем Владимировичем Яблоковым стояли лагерем вместе с экологическими активистами, чтобы не допустить на сасовских черноземах открытия вредного химического производства. Я, конечно, вспоминала, как снимала в Сасове Дом-музей Новикова-Прибоя для сельского часа и тогда даже не обратила внимания на черную-пречерную сасовскую землю. Потому что это было за несколько лет до того, как я впервые столкнулась с экологическими проблемами. Как-то раз я сделала передачу об успешном колхозе в Чувашии, соседствующей с Рязанской областью, который обходится без пестицидов. И получила два мешка писем, полные слез и горя, от крестьян, пострадавших буквально семьями от успехов «химизации» сельского хозяйства. «Пестициды» и познакомили меня с Яблоковым. Естественно, что одну из своих первых «экологических» передач я сделала тоже на Рязанщине. Потом были самостоятельные экологические телепроекты - «Накануне», «Экология. Общество. Человек.», «Земля людей». Работа в «Сельском часе» казалось идиллией, особенно, когда я с дозиметром в руках стояла перед камерой в воронке атомного взрыва или в наспех брошенной школе в Припяти (Чернобыль)... Экология ожидаемо обернулась онкологией и инвалидной справкой с пометкой «нетрудоспособная». И вот тогда-то я и занялась не то чтобы сельским хозяйством, но садом-огородом на своем приусадебном участке в Петрушове. Кто знает, м.б., именно Петрушово с его изумительными воздухом и водой, с положительными эмоциями от общения с его жителями и дачниками, с грибами у крыльца и «ряжеными» гостями в Рождество, с возможностью делать что-то полезное, доброе, вечное удерживает меня в этой жизни.

Мы построили еще один дом на нашем участке, кстати, по моему проекту, чем я очень горжусь. В нем теперь интерактивный музей Алексея Владимировича. Мы называем его «ЯблоковДом». Из его окон весной можно любоваться цветущим ЯблоковСадом, заложенным Яблоковым. Каждый год сюда приезжают его соратники и просто все желающие продолжить это замечательное дело. И увозят отсюда саженцы, чтобы заложить ЯблоковСады в разных регионах России или просто посадить их в своих личных садах в память о замечательном человеке. У въезда в деревню их встречает знак «Петрушово. Добро пожаловать». А провожает табличка «Счастливого пути». Ее сделал и установил Алексей Владимирович с помощниками, которые за ней ухаживают. Потому что все, созданное природой и человеком требует заботы.